

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 930.85

**ФЕНОМЕН МЕМОРИАЛЬНОГО НАРРАТИВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТОВАНИЯ****Н. У. Ярычев***Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный*

В статье рассматривается феномен мемориального нарратива как одно из направлений мемориальной культуры. Мемориальный нарратив понимается автором (вслед за А. Эткингом и др.) как система принципов текстовой генерации и презентации информации о событиях прошлого, отличающаяся устойчивым, воспроизводимым, сценарным, презентистским, социальным характером.

К наиболее распространенным типам мемориальных нарративов можно отнести нарративы «воспевания исторического величия», «замалчивания», «преодоления противоречий», «покаяния» и «примирения и компенсации».

Конструирование мемориального нарратива осуществляется в целом по универсальной схеме: генерирование смыслового событийного ядра, легитимизация его в экспертной среде, продвижение в публичном пространстве с помощью СМИ и общественных дискуссий, закрепление в массовом сознании с помощью дополнительного инструментария (тематическое кино, художественная литература, открытие памятников и пр.).

Ключевые слова: прошлое, культурная память, мемориальная культура, нарратив, мемориальный нарратив.

Одним из актуальнейших понятий современного социокультурного дискурса является понятие мемориальной культуры, то есть совокупности различных форм, механизмов, методов объективизации представлений носителей той или иной культуры о прошлом. Оставляя за рамками данной статьи размышления о причинах подобной актуальности отметим, что структура мемориальной культуры до сих пор является достаточно дискуссионной и различными учеными определяемой по-разному. Мы полагаем, что центральным элементом любой мемориальной культуры является мемориальный нарратив, то есть «система принципов текстовой генерации и презентации информации о событиях прошлого» [8. С. 47].

По большому счету именно мемориальный нарратив, то есть продуманный сценарий публичной презентации конвенционального образа прошлого, дает основное представление о содержании темпоральной картины мира, характерной для той или иной культуры в определенный момент времени.

В рамках настоящей статьи мы представим краткий обзор основных теоретико-методологических подходов к осмыслению мемориального нарратива, а также продемонстрируем варианты его социокультурного бытования.

На наш взгляд, данное определение можно взять в качестве базового, добавив к нему указание на ряд принципиальных особенностей мемориального нарратива, которые, с одной стороны, характеризуют собственно нарратив как особую стратегию публичного текстового повествования, а, с другой – его ретроориентированную природу. К таким особенностям можно отнести:

- устойчивость (мемориальный нарратив закреплен во времени, он должен «отстояться», апробироваться в разных историко-культурных обстоятельствах; в этом смысле разовая риторическая акция не может считаться нарративом);
- воспроизводимость (актуализация мемориального нарратива в разных по типу, содержанию, авторству, аудиторной направленности текстах);
- сценарность (мемориальный нарратив строится по определенным и зависящим от контекста законам драматургии, ориентированным на продвижении строго заданной картины прошлого);
- презентизм (мемориальный нарратив транслирует интерпретацию прошлого, исходя из актуальной политической, социальной и иной повестки);
- социальность (мемориальный нарратив апеллирует к интересам определенной социальной группы, размер которой может варьироваться от отдельных субкультур до нации в целом).

И. В. Тевьяева использует понятие мнемического нарратива, который формально близок к нарративу мемориальному, но по сути имеет принципиальные отличия. Мемориальный нарратив характеризует принятые в обществе правила говорения о прошлом, мнемический же нарратив является «повествованием, сконструированным на основе индивидуального мнемического опыта...» [6. С. 304].

Мнемический нарратив, как пишет автор, может считаться инструментом вербализации частных воспоминаний. Он представляет собой «структурированную дискурсивную форму, последовательно и логически воспроизводящую личный опыт субъекта (при возможном отступлении от хронологического порядка событий), включающую контекст, необходимый для интерпретации и аналитической обработки излагаемого, и несущую оценку значимости событий для нарратора и других субъектов» [6. С. 304].

Основу мемориального нарратива составляют, с одной стороны, конкретные события прошлого, а с другой – способ их презентации. Исходя из этого, Й. Рюзен выделил несколько типов мемориального нарратива:

- позитивно окрашенные события, описание которых носит утверждающий характер;
- негативно окрашенные события, репрезентуемые в режиме отрицания;
- поворотные события;
- события, упраздняющие ранее легитимные модели социального взаимодействия [5. С. 52–54].

По мнению Л. П. Репиной, все эти события в разной последовательности и процентном соотношении присутствуют в любом историческом нарративе (она использует это понятие) и транслируются согласно относительно универсальному жанру «биографии нации». Законы этого жанра «требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, который, последовательно репрезентируя ключевые «места памяти», «национальные ценности» и «культурные символы», неуклонно и судьбоносно продвигается в линейной перспективе к актуальной действительности коллективного героя и сходится к субъекту идентификации в настоящий момент его существования... Исторический нарратив обычно организован не просто как цепь памятных событий, но и как история перехода общества из одного состояния в другое, от одного исторического периода к следующему, причем, как правило, каждый значимый период обрамляется «великими», «переломными» историческими событиями, которые маркируют конец одного периода и начало следующего» [4. С. 19–20].

Л. Ю. Логунова и В. А. Рычков также выделили возможные типы мемориальных нарративов, соответствующие различным сценариям политики памяти:

- «сценарий воспевания исторического величия» (акцентирование внимания на героических страницах истории, выдающихся личностях и достижениях);

- «сценарий замалчивания» (нивелирование негативного исторического опыта, изъятие из пространства публичных дискуссий «сложных тем», закрытие архивов и пр.);
- «сценарий противоречивых нарративов» (стремление к примирению жертв и виновных, к преодолению исторического напряжения);
- «сценарий покаяния» (публичное признание вины со стороны государства или отдельных групп за совершенные в прошлом преступления и попытка компенсировать их последствия);
- «сценарий примирения и солидарности» («предполагает организацию дискурса, согласование принимаемых решений между акторами при координирующей и посреднической роли агентов властных институтов») [3. С. 203].

По мысли Л. Ю. Логиновой и В. А. Рычкова, право на мемориальный нарратив относится к числу столь же естественных прав человека, как право на свободу волеизъявления и др., поскольку возможность публичного проговаривания собственных темпоральных представлений дают возможность социальной группе конкурировать с другими группами, обретать собственную идентичность и пр. [3. С. 192].

Именно в силу того, что мемориальный нарратив имеет четко выраженную социально-групповую природу, довольно сложно говорить о его специфике применительно к обществу в целом – это реально лишь на уровне абстрактно-теоретических построений. На практике же он неизбежно распадается на более локальные направления *past-повествования*, которые, тем не менее, в совокупности дают представление о неких трендах публичного говорения о прошлом.

Так, например, Л. Б. Зубанова исследовала особенности медийной репрезентации травматичных исторических событий в современных российских проектах интернет-журналистов и блогеров:

- «явный интерес аудитории к интернет-проектам, направленным на актуализацию событий прошлого;
- высокая степень участия зрителей в обсуждении транслируемого контента (комментарии, дискуссии, внутренняя кооперация и реактивность пользователей);
- выраженная связь в оценке исторических событий с современным этапом развития;
- демонстрируемая альтернативность позиции интернет-аудитории в отношении официальной коммеморативной политики;
- противоречивость мнений в прочтении исторических событий (отсутствие консенсуса), острота и эмоциональность восприятия прошлого» [1. С. 36].

В рамках анализа мемориального нарратива публичной политической риторики Л. Б. Зубанова с группой соавторов реализовала анализ процесса конструирования образа прошлого в инаугурационных речах политических лидеров США, России и Польши. Для российского политического мемориального нарратива, по мнению исследователей, характерны идеи преемственности прошлого, настоящего и будущего; глубинная укорененность прошлого в тысячелетней истории России; понимание прошлого как противоречивого, неоднозначного, но великого и наполненного героическими свершениями; восприятие минувших веков, исторического наследия как преобразовательной платформы актуальной действительности [2. С. 154]. Подобный образ прошлого, по мнению Л. Б. Зубановой, строится при помощи особой риторики, основанной на ритмическом повторении одних и тех же слов: «история», «преемственность», «национальная память», «связь времен», «наследие», «позитивное прошлое», «традиции» и некоторых других.

М. Л. Шуб обращалась к изучению специфики мемориального нарратива, транслируемого силами современного российского кинематографа. Он позиционирует

«картину героического прошлого, нелишенного при этом противоречий, трудных периодов, поражений. Наиболее значимыми ресурсами создания такой темпоральной картины выступают советское прошлое и прошлое, условно названное нами «далеким». Такое «далекое» время ассоциируется с истоками российской государственности, временами его строительства, оформления границ, формирования национальной идентичности. Это время корней, истоков, архетипов... Советский же период дает ощущение «только ушедшего вчера», а потому связанные с ним события до сих пор воспринимаются остро и эмоционально. Кроме того, советская история во многом отождествляется с Великой Отечественной войной, тема которой очевидно доминирует не только в кинематографическом контенте, но и в тематике различных коммеморативных практик» [7. С. 97].

Е. Топольски анализировал механизм формирования и продвижения мемориального (в его терминологии – исторического) нарратива силами профессиональных сообществ, прежде всего, историков и идеологов. Первый этап этого процесса связан с отбором информации о прошлом в соответствии с собственным видением прошлого и наличными задачами. Второй – с верификацией этой информации, убеждении аудитории в правдоподобности нарратива. Третий – с «запечатыванием» сущности нарратива, контролем его смысловой герметичности и отсутствием вольных трактовок. Обеспечение продвижения нарратива в СМИ, пространстве общественных дискуссий, создание произведений искусства на заданную тему [9. С. 201].

Важность изучения мемориального нарратива заключается, на наш взгляд, в том, что он позволяет понять смысловые, ценностные векторы саморефлексии общества; не столько зафиксировать непосредственные представления о прошлом, сколько увидеть в этих представлениях картину настоящего и уловить очертания будущего.

Список литературы

1. Зубанова, Л. Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве / Л. Б. Зубанова. – Текст : электронный // Научный журнал «ДискурсПи». – 2020. – № 4 (41). – С. 26–39. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10402.
2. Зубанова, Л. Б. Лингво-темпоральный анализ инаугурационных выступлений глав США и России. / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб. – Текст : электронный // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 150–154. DOI: 10.31857/S013216250004022-7.
3. Логунова, Л. Ю. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов / Л. Ю. Логунова, В. А. Рычков. – Текст : электронный // Идеи и идеалы. – 2020. – Том 12. – № 4. – Часть 1. – С. 191–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213.
4. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности : коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.
5. Рюзен, Й. Кризис, травма и идентичность / Й. Рюзен. – М. : Вектор, 2005. – 354 с. – Текст : непосредственный.
6. Тивьяева, И. В. Структурная организация мнемического нарратива / И. В. Тивьяева. – Текст : электронный // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 303–315. DOI 10.17223/18137083/70/24.
7. Шуб, М. Л. Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа / М. Л. Шуб. – Текст : электронный // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. – № 3 (40). – С. 88–100. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10306.

8. Memory and theory in Eastern Europe / Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. – New-York : Palgrave Macmillan, 2013. – 279 p. – Текст : непосредственный.
9. Topolski, J. The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography / J. Topolski. – Текст : электронный // History and Theory. – 2002. – Vol. 38. – No. 2. – P. 198–210. DOI: 10.1111/0018-2656.00086.

THE PHENOMENON OF THE MEMORIAL NARRATIVE: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICES OF SOCIO-CULTURAL EXISTENCE

N. U. Yarychev

A. A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, nasrudiny@mail.ru

The article deals with the phenomenon of memorial narrative as one of the directions of memorial culture. The author (following A. Etkind and others) understands the memorial narrative as a system of principles of textual generation and presentation of information about the events of the past, characterized by a stable, reproducible, scripted, presentistic, social character.

The most common types of memorial narratives include narratives of “singing historical greatness”, “silencing”, “overcoming contradictions”, “repentance” and “reconciliation and compensation”.

The construction of the memorial narrative follows a generally universal pattern: the generation of a semantic core of events, its legitimization in the expert community, its promotion in the public space through the media and public discussions, and its consolidation in the mass consciousness through additional tools (thematic cinema, fiction, the opening of monuments, etc.).

Key words: past, cultural memory, memorial culture, narrative, memorial narrative.

References

1. Zubanova, L. B. (2020). Media-representacii pamyati: dominiruyushchie kody prochteniya travmatichnyh sobytij v internet-prostranstve [Media-representations of memory: dominant codes of reading traumatic events in the Internet space]. *Nauchnyj zhurnal «DiskursPi»* [Scientific journal “DiscoursePi”], 4 (41), pp. 26–39. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10402. (In Russ.).
2. Zubanova, L. B., Zyhovskaya, N. L. and Shub, M. L. (2019). Lingvo-temporal’nyj analiz inauguracionnyh vystuplenij glav SSHA i Rossii [Linguo-temporal analysis of the inaugural speeches of the USA and Russian heads of state]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 4, pp. 150–154. DOI: 10.31857/S013216250004022-7. (In Russ.).
3. Logunova, L. YU. and Rychkov, V. A. (2020). Pole pamyati: konstruirovaniye i bor’ba narrativov [The Field of Memory: Construction and Struggle of Narratives]. *Idei i ideal’y* [Ideas and Ideals], 4, pp. 191–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213. (In Russ.).
4. Repina, L. P. (2020). *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat’ i narrativy nacional’noj identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity]. Moskva, Akvilon, 464 p. (In Russ.).
5. Ryuzen, J. (2005). *Krizis, travma i identichnost’* [Crisis, Trauma and Identity]. Moskva, Vektor, 354 p. (In Russ.).

6. Tiv'yaeva, I. V. (2020). Strukturnaya organizaciya mnemicheskogo narrative [Structural organization of the mnemonic narrative]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 1, pp. 303–315. DOI: 10.17223/18137083/70/24. (In Russ.).

7. Shub, M. L. (2020). Osnovnye strategii rossijskoj gosudarstvennoj politiki pamyati v kontekste sovremennogo kinematografa [Main strategies of Russian state memory policy in the context of modern cinematography]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"* [Scientific journal "DiscoursePi"], 3 (40), pp. 88–100. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10306. (In Russ.).

8. *Memory and theory in Eastern Europe* (2013). Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New-York, Palgrave Macmillan, 279 p.

9. Topolski, J. (1999). The Role of logic and aesthetics in constructing narrative wholes in historiography. *History and Theory*, 2, pp. 198–210. DOI: 10.1111/0018-2656.00086.

Насруди Увайсович Ярычев – доктор философских наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор кафедры теории и технологии социальной работы, заведующий кафедрой теории и технологии социальной работы, проректор по учебной работе, Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова.

nasrudiny@mail.ru